
Кира Роуз
Жена
по легенда
для полковника

Кира Роуз

Жена по легенде для полковника

«Литнет»
2026

Роуз К.

Жена по легенде для полковника / К. Роуз — «Литнет», 2026

— Алиса Воронова, ты станешь моей женой, — заявляет самоуверенный мажор на глазах у сотен гостей.Я ответила резким отказом и поцеловала незнакомца в маске, чтобы избежать навязанного брака. Но мой спаситель оказался суровым полковником Рахмановым.В тот же вечер моего отца-генерала похитили. Теперь я — новая мишень похитителей. И чтобы спасти его, я вынуждена стать фиктивной женой полковника.Мы делим одну спальню на двоих. Он привык отдавать приказы. Я ненавижу подчиняться. Но только этот опасный мужчина может защитить меня от смерти и спасти моего отца.В тексте есть: #фиктивный_брак #вынужденная_близость #от_ненависти_до_любви #одна_кровать #властный герой #ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая невеста 5
Глава 2. Алиса — ключ 8
Глава 3. С этого часа ты моя жена 11
Глава 4. Одна спальня 14
Глава 5. Совет жён 17
Глава 6. Кто-то внутри дома 20
Глава 7. Кровь на его рубашке 23
Глава 8. Жених знает слишком много 26
Глава 9. Жена, выбранная заранее 29
Глава 10. Не верь своему мужу 32
Глава 11. Один час 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Глава 1. Чужая невеста

— Алиса Воронова, ты станешь моей женой.

Кирилл произносит это в микрофон с такой уверенностью, будто вместо предложения зачитывает уже подписанный приказ. Прожектор бьёт мне в лицо, за его спиной на экране вспыхивают наши детские фотографии, а три сотни гостей благотворительного маскарада вскакивают из-за столов раньше, чем я успеваю вдохнуть. Кто-то кричит «горько». Оркестр подхватывает торжественную мелодию. На колено передо мной опускается мужчина, которому я ни разу не обещала выйти за него.

Я смотрю на раскрытую бархатную коробочку и не протягиваю руку.

— Встань, Кирилл.

Он улыбается для камер, но в уголке рта уже проступает знакомая жёсткая складка. Так он смотрел, когда я отказалась перейти из своей лаборатории в управление его отца. Так улыбался, объясняя, что после свадьбы мне всё равно придётся меньше работать.

— Ты от волнения ничего не слышишь, — шутит он для зала и тянется к моей ладони. — Я спрашиваю, согласна ли ты.

Маргарита Арсеньева оказывается рядом прежде, чем я успеваю отступить. В серебристом платье, с идеальной укладкой и второй коробочкой в руках — уже с кольцом моего размера. Она тепло обнимает меня за плечи, разворачивая к фотографам.

— Мы так долго ждали этого дня, девочка моя. Сергей будет счастлив.

Отец стоит у первого стола. Он не улыбается, но и не вмешивается. Только медленно снимает очки, словно хочет протереть стёкла и заодно переждать мой неизбежный скандал. Вокруг него генералы, чиновники и попечители фонда «Рубеж». Люди, которые через час разъедутся по домам и увезут с собой историю о том, как генеральская дочь опозорила прекрасного жениха.

Кирилл всё-таки ловит мою руку. Я выдёргиваю её и забираю у него микрофон.

— Нет.

Музыка обрывается не сразу. Скрипка успевает вытянуть фальшивую высокую ноту, прежде чем дирижёр опускает палочку. Кирилл поднимается с колена, закрывая меня от половины камер широкими плечами, но мне хватает тех, что остались справа.

— Я не выйду за тебя. Мы это обсуждали, и ты знал мой ответ до того, как устроил весь этот спектакль.

В зале перестают звенеть бокалы. Маргарита не убирает руку с моего плеча, только её пальцы сдавливают ткань платья сильнее.

— Алиса, дорогая, такие решения не принимают на нервах, — произносит она почти ласково. — Пойдём, поправим макияж. Кирюша не станет обижаться на твоё волнение.

Я снимаю её руку. Если позволю увести себя сейчас, через десять минут меня вернут с кольцом и отрепетированной улыбкой.

— Ваш сын получил ответ. И он прекрасно его понял.

Кирилл забирает микрофон, бросает звукорежиссёру короткое «перерыв» и обхватывает меня за локоть. Со стороны это похоже на заботу о расстроенной невесте. Его большой палец давит на чувствительное место над сгибом, и мне приходится идти, чтобы не устроить перед камерами драку.

За кулисами пахнет пылью, нагретыми проводами и чужими духами. Кирилл заталкивает меня между стойкой с костюмами и закрытой дверью служебного выхода. Улыбка исчезает раньше, чем за нами падает тяжёлая штора.

— Ты совсем с ума сошла? — Он говорит негромко, потому что в двух шагах работает съёмочная группа, но каждое слово ударяет сильнее крика. — Наши отцы всё согласовали. Мать месяц готовила вечер. Ты выставила меня идиотом перед всем управлением.

Я разжимаю его пальцы на своём локте по одному. На коже остаются белые пятна.

— Ты выставил себя сам. Я трижды сказала, что не хочу за тебя замуж.

— Ты всегда сначала не хочешь. — Кирилл перегораживает проход, когда я направляюсь к шторе. — Потом успокаиваешься и понимаешь, что я прав. Тебе двадцать пять, Алиса. Пора заканчивать этот бунт с лабораторией, ночными вызовами и случайными мужчинами на маскарадах.

Мужской голос раздаётся у него за спиной:

— Девушка попросила её пропустить.

Незнакомец в чёрной маске стоит у служебной двери, которую Кирилл считал запертой. Высокий, в строгом смокинге без знаков отличия. Седая нить у правого виска заметна даже в полутьме, а на левой руке белеет старый шрам. Он не приближается и не угрожает. Просто ждёт, и Кирилл почему-то убирает руку с дверной ручки.

— Это семейный разговор, — отвечает он уже осторожнее. — Не вмешивайтесь.

Незнакомец смотрит на красные следы у меня на локте, затем снова на Кирилла.

— Для семейного разговора обычно требуется семья. Пока я вижу мужчину, который не принял отказ.

Я могла бы пройти мимо обоих. Наверное, так поступила бы разумная женщина, особенно дочь генерала, которую с детства учили не доверять людям без имени и лица. Но за шторой ведущий уже просит гостей не расходиться, а Маргарита говорит кому-то, что невесте стало плохо от счастья.

— Потанцуйте со мной, — предлагаю я незнакомцу.

Кирилл резко разворачивается ко мне. Я успеваю увидеть, как у него расширяются зрачки, и понимаю: одного отказа ему мало. Он всё ещё уверен, что через пару минут вернёт меня на сцену.

Мужчина в маске медлит. Его взгляд задерживается на моём лице, словно он проверяет, прошу ли я о спасении или выбираю сама.

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Я отдёргиваю штору. — Иначе меня сейчас снова обручат без моего участия.

Он подаёт мне руку, и я принимаю её. Ладонь у него сухая и горячая, хватка крепкая, однако он не тянет меня за собой. Мы выходим в зал рядом. Гости замечают нас почти одновременно: разговоры смолкают, объективы поворачиваются, Маргарита застывает возле сцены с ненадетым кольцом.

Оркестр после растерянной паузы начинает медленный вальс. Незнакомец кладёт ладонь мне на спину, оставляя между нами безупречную, почти насмешливую дистанцию.

— Если вы хотели исчезнуть, служебная лестница была за моей дверью, — произносит он, ведя меня между замерших пар. — Вы выбрали центр зала.

— Я устала исчезать, когда мужчины решают за меня. — Я смотрю поверх его плеча на Кирилла, чтобы тот видел: обратно за кулисы я не вернусь.

Он меняет шаг, пропуская официанта с подносом. Я двигаюсь вместе с ним без усилий и только сейчас замечаю, что впервые за этот вечер могу нормально дышать.

— Тогда вам не нужен спасатель, — тихо говорит незнакомец. — Нужен свидетель.

— А вы согласны им стать? — спрашиваю я и впервые замечаю, как легко он подстраивает шаг под мой.

Под маской виден лишь жёсткий изгиб скул и тёмные глаза. Они смеются раньше, чем он позволяет себе улыбку.

— Я уже вмешался в семейный разговор. Терять мне нечего.

Кирилл стоит у края паркета. Рядом с ним Маргарита что-то быстро говорит фотографу, явно пытаясь остановить съёмку, а отец направляется к нам. Ещё полминуты — и он положит конец моему бунту своим командирским голосом. Я чувствую это по его походке, по тому, как расступаются гости.

— Вы очень пожалеете, если вас узнают рядом со мной, — предупреждаю я.

Незнакомец переводит взгляд на отца. На несколько секунд его ладонь сильнее прижимается к моей спине, будто фигура генерала что-то для него значит.

— Вероятно.

— Хорошо. — Я останавливаюсь первой, беру его за лацканы и целую.

Он замирает лишь в первое мгновение. Потом удерживает меня, когда каблук скользит по гладкому паркету, и отвечает — сдержанно, осторожно, но совсем не так, как отвечает мужчина, которому безразлична женщина в его руках. Вспышки режут глаза даже сквозь закрытые веки. В зале кто-то охает. Я слышу голос Кирилла, но не разбираю слов.

Свет гаснет.

Незнакомец мгновенно прижимает меня к себе и разворачивает. Первый выстрел разбивает прожектор над сценой. Второй тонет в криках, а отец, добравшийся почти до паркета, хватается за бок и падает между столами.

— Папа!

Я рвусь к нему, но мужчина валит меня за перевёрнутый стол и накрывает собой. По залу катятся бокалы, люди давят друг друга у выходов. В темноте кто-то коротко и чётко командует перекрыть лестницы. Я не сразу понимаю, что слышу голос человека, которого только что целовала.

Он срывает маску, бросает её на пол и прижимает пальцы к скрытому в ухе наушнику.

— Крылова, северная галерея. Стрелок уходит через служебный ярус. Воронова — к медикам, только наша машина.

Аварийные лампы вспыхивают красным. Я вижу резкий профиль, седую нить у виска и лицо, знакомое по отцовским фотографиям. Полковник Глеб Рахманов. Тот самый офицер, которому отец доверял больше, чем собственному штабу.

— Вы знали, кто я? — вырывается у меня.

— Нет. — Он отвечает без паузы. — До того, как вы меня поцеловали.

Он вдруг смотрит на моё запястье. По серебряным пластинам браслета ползёт красная точка прицела. Я дёргаю рукой, точка следует за ней.

Глеб сбивает меня на пол за секунду до выстрела. Пуля высекает искру там, где только что лежало моё запястье, а он заслоняет меня плечом и тянется к оружию под пиджаком.

— Они пришли и за тобой.

Глава 2. Алиса — ключ

— Отпустите меня! Отец там!

Я пытаюсь вырваться, пока Глеб тащит меня к служебной двери. Он не стискивает меня сильнее, чем нужно, зато идёт так, будто за его спиной не рушатся столы и не кричат раненые люди. Красный аварийный свет прыгает по стенам. Где-то в зале хлопает ещё один выстрел, и полковник закрывает меня собой прежде, чем успевает обернуться.

— Генерала уже вынесли, — бросает он. — Если вернёшься, я буду выбирать между тобой и стрелком.

— Вы даже не проверили, жив ли он! — Я упираюсь ладонью в дверной косяк, заставляя Глеба остановиться.

Глеб распахивает дверь, пропускает меня в узкий коридор и только там отпускает. На белой манжете у него чужая кровь. Он вытирает ладонь о пиджак и смотрит прямо на меня.

— Пуля прошла ниже рёбер. Воронов был в сознании, когда его передали медикам. Я проверил.

От точного ответа моя злость не исчезает, но спорить становится сложнее. Я прижимаю браслет к груди, хотя понимаю, насколько бессмысленно прятать серебро от пули собственной ладонью.

Навстречу нам бегут четверо в форме ведомственной охраны. Старший требует передать меня по приказу заместителя генерала Арсеньева. Двое держат руки возле кобур, и я отступаю к стене, не позволяя им зайти со спины.

— Кто сообщил вам этот маршрут? — Глеб заслоняет меня. — Его утвердили двадцать минут назад в закрытом контуре.

Подполковник ссылается на центральный пост и слишком поздно понимает, что подтвердил утечку. Из боковой двери появляется женщина в чёрном костюме и бронежилете. Она целится в пол перед охраной, а ещё двое людей Глеба перекрывают коридор сзади.

— Оружие положили и отошли, — произносит она. — Быстро, господа. У нас сегодня и без вас отвратительный вечер.

Подполковник подчиняется. Глеб кивает женщине, и та отводит задержанных в сторону.

— Майор Наталья Крылова, моя заместительница, — объясняет он мне уже на ходу. — Ей можно доверять.

— Вы только что сказали, что никому нельзя. — Я не двигаюсь с места, пока он не оборачивается.

Наталья уже ведёт задержанных в другую сторону, но я успеваю заметить, как она прислушивается к нашему спору. Глеб хочет вывести меня из простреливаемого коридора; я хочу понять, на чьём доверии теперь держится моя жизнь.

— Я сказал, что не доверяю официальной охране. — Он открывает дверь на лестницу и пропускает меня первой. — Наталью проверял лично.

— Стрелка тоже кто-то лично проверял, — напоминаю я, проходя мимо него.

Глеб задерживается на верхней ступени, затем снимает пиджак и набрасывает мне на плечи: на разорванном рукаве платья блестят осколки.

— Поэтому до выяснения ты останешься рядом со мной.

— Я нигде не останусь по вашему приказу. — Пиджак соскальзывает с плеча, и я удерживаю его прежде, чем ткань касается грязных ступеней.

Он замечает это движение и отступает с прохода.

— Тогда считай это просьбой человека, который уже дважды лёг между тобой и пулей.

Он спускается, не проверяя, иду ли я следом. Пиджак пахнет табаком и металлом, а меня трясёт так сильно, что я заворачиваюсь плотнее и догоняю его.

Внизу нас встречает Наталья. Она больше не держит оружие, но на костяшке у неё свежая ссадина.

— Стрелок ушёл через гараж, — докладывает она, шагая рядом. — Наружные камеры перезаписаны. Генерала забрала ведомственная реанимация номер семнадцать, сопровождающий — майор Седов.

— Свяжись с Седовым, — приказывает Глеб и тут же исправляется, заметив её выражение: — Уже пробовала?

Наталья показывает экран телефона. Вызов идёт без ответа.

Мы оказываемся в служебной комнате без окон. Глеб запирает обе двери и пододвигает мне стул. Я остаюсь стоять.

— Позвоните в больницу.

— Проверяем все, — Наталья ставит на стол планшет и разворачивает карту. — Семнадцатая машина выключила маяк через четыре минуты после выезда. До приёмного отделения ей осталось меньше километра.

Телефон показывает полную сеть, но подключён к поддельной базовой станции. Кто-то собирает исходящие данные внутри комплекса.

— Не звоните отсюда, — предупреждаю я. — Нас посадили на ложную соту. Любой номер, который вы наберёте, увидят.

Глеб протягивает Наталье другой аппарат из внутреннего кармана жилета.

— Спутниковый. Канал два.

Пока она связывается с группой, он опускается передо мной на корточки и касается застёжки браслета. Я отдёргиваю руку.

— Что вы делаете?

— Второй стрелок не переводил прицел с твоего запястья. Откуда браслет? — Глеб убирает руку, но остаётся передо мной, ожидая ответа.

Серебряные пластины кажутся обычными, лишь застёжка тяжелее, чем должна быть. Отец подарил его неделю назад после нашей очередной ссоры из-за работы. Сказал, что у Вороновых отвратительная традиция просить прощения вещами, и всё равно застегнул на моей руке сам.

— От отца. Но это просто браслет.

— Сними. — Он протягивает ладонь, и я прижимаю запястье к себе ещё крепче.

Я уже собираюсь напомнить о просьбах и приказах, когда замечаю тонкий шов на внутренней стороне застёжки. Его не было на фотографии из каталога, которую отец прислал перед покупкой. Я достаю из сумочки шпильку, нажимаю в едва заметную выемку и поддеваю пластину.

Внутри лежит чёрный модуль размером с ноготь.

Я узнаю разводку контактов. Полгода назад наша лаборатория разработала защищённый аппаратный токен для аудита фонда «Рубеж». Проект назывался «Ключ-7». Система открывала зашифрованный раздел только после биометрического подтверждения владельца, чтобы скопированный модуль оставался бесполезным.

— Этого не может быть, — произношу я, поворачивая застёжку к свету. — Отец сказал, что опытный экземпляр уничтожили.

Глеб поднимается. В его лице ничего не меняется, но он перестаёт смотреть на браслет и внимательно изучает меня.

— Чья биометрия была записана?

— Моя. Я проводила испытания. — На языке появляется металлический привкус, хотя губу я не разбивала. — Он спрятал ключ на мне и даже не предупредил.

Дверь распахивается после короткого условного стука. Наталья входит, забыв снять палец с кнопки связи.

— Машину нашли у старой инфекционной больницы. Двери открыты. Внутри никого: ни генерала, ни Седова, ни водителя. Кровь на носилках свежая.

Я хватаюсь за край стола. Глеб успевает подвинуть бутылки, прежде чем они падают, и не пытается меня удержать. Даёт несколько секунд, затем ставит передо мной открытую воду.

— Мы его найдём.

Я откручиваю крышку, но горлышко бутылки стучит о зубы. Жалость сейчас добьёт меня быстрее плохих новостей, и потому я цепляюсь за единственное, что ещё могу контролировать.

— Не обещайте того, чего не знаете.

Глеб принимает мой отказ без обиды. Он отодвигает стул, освобождая мне проход к двери, и только потом продолжает:

— Тогда скажу то, что знаю. Похищение подготовили люди с доступом к закрытому маршруту. Им нужен этот модуль, но без тебя он не работает. Пока ключ у нас, Воронова сохранят живым.

Слова жестокие. И полезные. Я заставляю себя сделать глоток и достаю модуль из застёжки, не отдавая его Глебу.

— Что именно он открывает?

Полковник смотрит на Наталью. Та закрывает вторую дверь, убирает планшет с открытой карты и включает небольшой блок подавления связи. Только после этого Глеб достаёт из внутреннего кармана плоский защищённый терминал.

— Три месяца генерал Воронов проверял сеть под названием «Контур». Они продавали маршруты групп, адреса свидетелей и данные наших сотрудников. Передача шла через «Рубеж». Послезавтра на закрытом семейном форуме фонд синхронизирует серверы. После синхронизации архив исчезнет или уйдёт покупателям.

— Через сколько точно? — Я перехватываю край терминала, не позволяя Глебу убрать экран.

Наталья сверяется с часами, но отвечает Глеб:

— Сорок восемь часов. Отменить форум мы не можем: тогда они поймут, что ключ сохранился, и убьют заложника раньше, чем начнут зачистку.

Терминал в его руке коротко вибрирует. На экране появляется файл, отправленный с отложенной активацией. Глеб вводит код, и я слышу голосотца. Хриплый, усталый, записанный явно несколько дней назад.

«Глеб, если ты это слышишь, меня убрали из игры. Запускай “Семью”. Алиса — ключ. Арсеньевым не верь. Ни Виктору, ни Маргарите, ни Кириллу».

Запись заканчивается. Отец успел подготовить полковника, спрятать на мне токен и запретить говорить со мной. Всё сделал ради моей безопасности, оставив меня единственным человеком, за которым теперь охотятся.

— Что такое «Семья»? — спрашиваю я.

Глеб не успевает ответить. Наталья проводит пальцем по планшету и резко поворачивает его к нам.

— Обновился закрытый гостевой список форума.

На экране две фотографии с сегодняшнего маскарада. На одной Глеб ведёт меня в танце. На другой я целую его под десятком вспышек. Ниже уже заполнены графы въезда и номер семейного коттеджа.

«Полковник Глеб Рахманов. Супруга — Алиса Рахманова».

Глава 3. С этого часа ты моя жена

— Уберите это.

Я нажимаю на строку с фамилией Рахманова, но гостевой список не закрывается. Под нашими фотографиями уже стоит зелёная отметка допуска, а рядом отсчитываются часы до начала форума. Сорок семь часов тридцать две минуты.

— Откуда они взяли мои данные? — Я поворачиваю планшет к Глебу. — И почему вашу жену зовут мной?

Он забирает устройство у Натальи, дважды сверяет служебную подпись и только потом отвечает. Пауза раздражает меня сильнее плохой новости: полковник снова решает, сколько правды выдать генеральской дочери.

— Для внедрения на форум была подготовлена семейная легенда. Я должен был приехать с оперативницей Ириной Сомовой. Во время нападения её тяжело ранили у северной галереи. Сейчас она в больнице.

— А система за пятнадцать минут назначила на её место меня? — Я снова нажимаю на зелёную отметку допуска, но запись не даёт изменить даже букву.

Вопрос заставляет Глеба нахмуриться. Если бы замена входила в его план, он уже знал бы ответ; сейчас полковник вместе со мной пытается понять, чью волю исполнила система.

— Похоже, сработал пакет Воронова. — Глеб открывает технические данные записи, но там виден только закрытый служебный код. — Имя супруги подменилось после запуска «Семьи». Я этого не делал.

Наталья получает сообщение и отворачивается к стене. По тому, как майор стискивает телефон после имени Сомовой, я понимаю: раненая была ей близка. Операция уже забрала одну женщину, а отец оставил в резерве другую, не спросив.

— Вы не ответили, что такое «Семья».

Глеб кладёт планшет рядом с бутылкой. Потом снимает с браслета открытый модуль, заворачивает его в экранирующий пакет и протягивает мне. Он мог бы убрать ключ себе, пока я растеряна. Вместо этого возвращает его и ждёт, пока я спрячу пакет во внутренний карман его же пиджака на моих плечах.

— Это аварийный план входа на форум супружеской парой, — говорит он. — «Рубеж» делит закрытые мероприятия на мужскую и женскую части. Мужчины обсуждают безопасность и служебные проекты. Жёны получают доступ к фонду, семейному приложению и внутренней сети. Одиночку туда не пустят.

— Значит, юридически нас уже успели поженить? — Я ищу в записи ссылку на реестр и не нахожу.

Глеб качает головой. Он говорит тише, чтобы голос не вышел за пределы заглушённой комнаты.

— Нет. Для государства ты Воронова, я Рахманов. Для участников форума мы супруги, которые несколько недель скрывали брак из-за несогласия твоего отца. Сегодняшний поцелуй отлично объясняет, почему мы больше не смогли скрываться.

На его лице нет даже тени улыбки. Мой единственный безрассудный поступок превратился в часть оперативной легенды, и мне хочется вымыть губы только потому, что полковник произнёс слово «поцелуй» таким деловым тоном.

— Тогда найдите другую жену. Я заберу ключ и сама найду отца.

— Ты поедешь в безопасное место, — отвечает Глеб. — Ключ останется у меня. Наталья вызовет специалиста, который снимет биометрическую защиту.

Я достаю пакет и зажимаю его в кулаке.

— Попробуйте забрать.

Он мог бы. Глеб выше меня на голову, обучен разоружать людей и уже дважды швырял меня на пол. Но сейчас лишь смотрит на мой сжатый кулак. Наталья заканчивает разговор и подходит к столу, оставаясь сбоку от нас.

— Снять защиту не получится, — говорю я. — После трёх попыток модуль стирает ключевой сектор. Активировать его могу только я. И если вы снова соберётесь что-то решать без меня, я введу неверный отпечаток прямо сейчас.

— Это шантаж, Алиса.

Глеб не тянется к моему кулаку. Я вижу, как он меняет тактику, и только тогда позволяю себе разжать пальцы.

— Наконец-то вы перестали считать меня багажом.

Глеб упирается ладонями в край стола. Несколько секунд он изучает карту на планшете, хотя та не изменилась. Я вижу, как ему трудно допустить гражданского человека в операцию, и не собираюсь облегчать выбор. Пока отец в плену, безопасного места для меня всё равно не существует.

Наталья первой нарушает молчание:

— Без ключа мы попадём только в гостевую сеть. Там ничего нет. Сомова должна была работать с приложением, но в цифровой криминалистике она знала основы. Алиса Сергеевна знает систему изнутри.

Глеб выпрямляется. Злость у него проходит быстро, оставляя усталость, которую он до этого прятал за приказами.

— Ты не полевой сотрудник. При стрельбе не ищешь выход, а бежишь к раненому. Не знаешь наших сигналов, не умеешь замечать наружное наблюдение и считаешь способность заблокировать телефон достаточной защитой.

— Всё верно. — Я не спорю ни с одним обвинением, и это сбивает его сильнее возражений. — Поэтому вы расскажете, что мне нужно знать. А я сделаю то, чего не умеет ваша группа.

Он долго смотрит на меня, затем достаёт из коробки с программами вечера чистый лист. Пишет первое условие крупным почерком и подвигает бумагу ко мне.

«Рахманов сообщает Алисе все сведения, связанные с её ролью и безопасностью».

— Все, — повторяю я. — Не те, которые вы сочтёте подходящими.

Глеб дописывает одно слово и ставит рядом инициалы. Я беру ручку. Моё условие оказывается длиннее: никаких самостоятельных вылазок с обеих сторон, решения о моей роли принимаются вместе, при прямой угрозе жизни мы прекращаем операцию и ищем другой способ.

— При прямой угрозе ты выполняешь мою команду сразу, — добавляет он. — Спорить будешь после укрытия.

— А вы объясните её при первой возможности, — отвечаю я и дописываю условие на полях.

Наталья подвигает нам вторую ручку.

— Подпишите оба, пока не начали согласовывать порядок дыхания. У нас сорок семь часов.

Мы ставим подписи. Лист юридически ничего не значит, однако Глеб складывает его вчетверо и убирает во внутренний карман, словно это официальный приказ.

Через служебный гараж мы выезжаем в оперативную квартиру. Наталья дважды меняет маршрут и заводит машину на закрытую подземную стоянку.

Квартира пахнет свежей краской и никому не принадлежит. В спальне висит одежда нужных размеров; на столе лежат документы прикрытия, телефоны и красная коробка с кольцами.

Я надеваю простую белую рубашку и тёмные брюки вместо разорванного платья. Когда возвращаюсь, Глеб держит женское кольцо на ладони.

— Размер подходит? — спрашивает он.

Подходит идеально. Я поворачиваю тонкий золотой ободок и нахожу внутри гравировку с датой, которой никогда не было в моей жизни. Три недели назад. Пакет отца знал не только моё имя, но и размер пальца.

— Очень предусмотрительно.

Глеб понимает, что меня задело. Он не оправдывает генерала и не предлагает снять кольцо.

— До въезда мы должны знать легенду лучше собственной биографии. Познакомились три месяца назад на закрытой лекции по защите данных. Первый ужин — в кафе у твоей лаборатории. Твой кофе?

— Чёрный, без сахара. Ваш? — Я открываю заготовленную анкету и исправляю сладкий латте, придуманный неизвестным составителем.

Глеб замечает правку и отодвигает сахарницу, оказавшуюся между нами. Мы оба невольно смотрим на этот жест, будто он уже стал частью чужой семейной жизни.

— Такой же. Значит, в легенде я запомнил заказ и принёс тебе его на вторую встречу.

Мы репетируем несколько часов и выбрасываем половину заготовленной истории. На вопрос о предложении оставляем разные ответы: каждый будет утверждать, что первым заговорил другой. Так противоречие звучит живее и легко превращается в семейную шутку.

Для закрытого профиля Наталья снимает, как мы пьём кофе на тесной кухне. Потом Глеб ставит телефон на таймер, садится рядом на диван и обнимает меня. После щелчка сразу отступает.

— Так никто не поверит, — говорю я, просматривая кадр. Мы сидим прямо, словно ждём допроса.

Глеб забирает телефон, удаляет фотографию и снова включает таймер. На этот раз, когда он садится, я не успеваю подготовиться: он притягивает меня ближе, касается губами виска, и камера ловит моё растерянное лицо. Снимок получается слишком настоящим. Я вижу мужчину, который бережно держит женщину, и женщину, забывшую, что обязана играть.

— Оставляем, — решает Наталья, даже не спрашивая нас.

К «Сосновому берегу» мы подъезжаем в третьем часу ночи. За высоким забором тянутся сосны и одинаковые семейные коттеджи. На пропускном пункте охрана сверяет наши лица с фотографиями, просит показать кольца и приветствует меня как Алису Рахманову.

Я ещё не успеваю убрать руку, когда из административного корпуса выходит Кирилл. Вчерашний смокинг сменился формой, на переносице темнеет царапина от осколка. Он здоровается с Глебом слишком спокойно, затем склоняется к моей руке и целует костяшки рядом с чужим кольцом.

— Я знал, что твой отец попытается отдать тебя Рахманову, — произносит он так тихо, что охранник у шлагбаума продолжает листать документы. — Только твоим мужем он отсюда не выйдет.

Глава 4. Одна спальня

Я выдёргиваю руку, а Кирилл удерживает её ещё секунду — ровно столько, чтобы это заметил Глеб.

Полковник не хватает его за воротник и не тянется к оружию. Он обнимает меня за талию, прижимает к себе перед камерами пропускного пункта и смотрит на Кирилла поверх моей головы.

— Повтори громче, — предлагает Глеб. — Охрана плохо слышала.

Кирилл улыбается, отступая от шлагбаума. Угроза снова превращается в вежливость, которую невозможно предъявить как доказательство.

— Я пожелал счастливого отдыха молодожёнам. Алиса всегда любила всё необычное. Даже мужей выбирает за одну ночь.

— Зато сама, — отвечаю я прежде, чем Глеб успевает вступить в их мужской спор. — Тебе с этим придётся смириться.

Охранник возвращает документы и поднимает шлагбаум. Мы проходим к стоянке, не ускоряя шага. Глеб убирает ладонь только у машины, скрытой от поста густыми ветвями.

— Что именно он сказал?

Я открываю дверь, но не сажусь.

— Вы слышали достаточно.

— Алиса, мы договорились сообщать сведения. — Глеб не повышает голоса, только кладёт ладонь на крышу машины и ждёт.

Он не давит голосом и не пытается преградить дорогу. Напоминает о листе, который лежит у него во внутреннем кармане. Я повторяю слова Кирилла дословно. Глеб снимает солнцезащитные очки, протирает их краем рубашки и выигрывает несколько секунд, прежде чем ответить.

— До прямой угрозы не дотягивает. Пока.

— Великодушно. — Я наконец сажусь и закрываю дверь. — А я уже боялась, что вы арестуете собственного соперника за дурные манеры.

Глеб надевает очки и садится за руль.

— Он не мой соперник.

Ответ звучит слишком быстро. Я устраиваюсь рядом и пристёгиваюсь, чтобы не выдать улыбку, которая совсем не подходит женщине с похищенным отцом.

Семейный коттедж стоит у края комплекса. Деревянный фасад, широкая веранда, большие окна без решёток. Внутри нас встречает администратор фонда и проводит по гостиной, где под потолком мигает зелёный огонёк официальной камеры безопасности.

— Наблюдение работает только в общих зонах, — объясняет она. — После ночного проникновения в прошлом году совет утвердил круглосуточную запись. В спальнях камер, конечно, нет.

Глеб держит мою ладонь и большим пальцем дважды касается кольца — условный сигнал «не верю». Я улыбаюсь администратору, пока он осматривает датчики умного дома, панели сигнализации и вентиляцию.

— Мы справимся, — уверяю я женщину. — Муж привык проверять всё по три раза.

— Работа, — виновато произносит Глеб и целует меня в волосы. Со стороны жест выглядит привычным. Я чувствую, как он задерживает дыхание перед прикосновением и отстраняется сразу, как только администратор отворачивается.

На втором этаже спальня оказывается одна. Посреди комнаты стоит широкая кровать, застеленная белым покрывалом. Рядом общий шкаф, одна ванная и ни дивана, ни кресла, на

котором можно провести ночь. Администратор желает нам приятного отдыха и уходит, оставив на тумбочке приветственную корзину с шампанским.

Глеб запирает дверь, но не начинает разговор. Сначала проводит небольшим прибором вдоль стен, розеток и потолочных карнизов. Официальный датчик возле окна отмечает наклейкой. Умная колонка у кровати реагирует на прибор резким писком.

— По документам она подключена только к музыке и освещению, — говорю я, открывая панель управления на телефоне прикрытия. — Но отсюда уходит второй поток. Звук и картинка.

Глеб не выдёргивает провод. Если устройство замолчит, тот, кто наблюдает, поймёт, что его нашли. Он ставит колонку обратно и включает негромкую музыку.

— Официальные камеры в гостиной. Незаконная — здесь. Остальные могут быть пассивными и включаться по расписанию. С этого момента считаем, что нас видят всегда.

— Даже в ванной? — Я показываю на приоткрытую дверь, и он первым идёт проверять помещение.

Он снова проверяет дверь и вентиляционную решётку. В зеркале я вижу, как Глеб хмурится, заметив мой вопрос.

— В ванной чисто. Это будет единственное место для разговоров без роли.

Мы возвращаемся в спальню уже супругами. Глеб распаковывает одну сумку, ставит мою рядом, раскладывает вещи по общему шкафу. Я фотографирую схему сети на экране, делая вид, что отвечаю на сообщения. Незаконный поток уходит на внутренний адрес фонда, однако владелец скрыт за несколькими перенаправлениями.

В дверь стучат. Молодой сотрудник приносит наши пропуска и просит сфотографировать пару для вечернего реестра. Глеб подходит сзади, обхватывает меня руками и кладёт подбородок мне на макушку. Он делает это естественно, без предварительного сигнала. На секунду я прислоняюсь к нему спиной и чувствую, как под рубашкой напрягаются мышцы.

Сотрудник уходит довольный кадром. Глеб закрывает дверь, проверяет коридор и сразу направляется в ванную. Дверь между нами щёлкает замком.

Я остаюсь перед зеркалом одна. Тепло его груди ещё чувствуется между лопаток. Полковник способен закрыть меня собой от пули и сыграть нежного мужа перед чужим человеком, но после каждого прикосновения прячется за единственной дверью без камеры.

Через несколько минут он впускает меня. В ванной пахнет мылом и влажным полотенцем: Глеб успел умыться холодной водой, и капли темнеют на вороте рубашки.

— Вы каждый раз будете запираться после объятий? — спрашиваю я.

Он проверяет, плотно ли закрыта дверь, хотя делал это передо мной.

— Я даю тебе пространство.

— Вы от меня его отгораживаете. — Я отнимаю у него полотенце и вешаю на крючок, прекращая бессмысленную проверку двери. — В спальне это заметит даже плохо настроенная камера.

Глеб опирается на край раковины и смотрит на наше отражение. Рядом с ним я кажусь ещё моложе, чем есть, и понимаю, что именно он видит: дочь своего командира, гражданского специалиста, женщину, которую обязан вернуть отцу.

— Перед людьми я буду касаться тебя без предупреждения, — произносит он. — Иначе нас раскроют. Наедине не стану пользоваться легендой.

— Поцелуй на маскараде тоже был легендой? — Я задаю вопрос раньше, чем успеваю решить, нужен ли мне ответ.

Он медлит. В спальне за дверью музыка переключается на другую мелодию, и эта обычная пауза выдаёт больше, чем готовый ответ.

— Тогда легенды ещё не было.

Я отворачиваюсь к полотенцу, потому что теперь не знаю, куда смотреть. Глеб открывает дверь первым и возвращается в спальню.

До того как лечь, мы успеваем пройти регистрацию, отметить лица гостей и выяснить расписание. Маргарита приглашает меня на утренний завтрак совета жён. Мужчин в женскую гостиную не допускают. Глебу назначают закрытую встречу в то же время, значит, на два часа мы останемся без прямого контакта.

После полуночи мы сидим в гостиной под официальной камерой. Я изображаю жену, которая просматривает фотографии маскарада, и одновременно проверяю журналы умного дома. Глеб листает отчёт, устроившись рядом. Его колено касается моего, но он не отодвигается: для наблюдателя мы уставшие супруги, не желающие расходиться даже по разным краям дивана.

В журнале появляется короткая строка: «Сервисный режим активирован».

— Любимый, — произношу я достаточно громко для камеры и поворачиваю телефон экраном к нему. — Кажется, у нас закончилась горячая вода.

Глеб читает строку. Его ладонь ложится мне на шею, будто он собирается поцеловать, а на самом деле закрывает обзор камеры и шепчет:

— Оставайся здесь. Дверь в спальню закрыта?

— Проверяла десять минут назад, — шепчу я, продолжая улыбаться в объектив.

Он улыбается для записи и идёт наверх, на ходу расстёгивая манжеты. Я жду три секунды, затем отключаю гостиную от поддельной сети. Камера продолжает получать зацикленные полминуты, где я сижу на диване.

На лестнице Глеб уже держит пистолет. Дверь спальни закрыта, контрольная полоска на косяке цела. Однако изнутри тянет холодным воздухом, а возле шкафа темнеет мокрый след ботинка.

Кто-то двигается за стеной. Глеб рывком открывает узкую сервисную панель, о существовании которой нет ни слова на плане коттеджа. Я включаю фонарь телефона. Луч выхватывает спину человека в сером комбинезоне, исчезающего в проходе между домами.

Глеб бросается следом. Я не бегу за ним: договор всё ещё действует. Вместо этого закрываю вход, фотографирую след и проверяю, что успел сделать гость. Замки не открывались, сигнализация молчала, журналы подменены сервисным режимом.

На кровати всё выглядит так же. Только моя подушка лежит чуть выше, чем я оставила. Я приподнимаю её краешек, не касаясь ткани голыми пальцами.

На белой простыне лежит записка.

«Верни ключ — увидишь отца».

Глава 5. Совет жён

Глеб возвращается через сервисный проход через четыре минуты. Этого хватает, чтобы я запечатала записку в пакет из аптечки и трижды представила, как незнакомый человек стоит у нашей кровати, пока мы сидим этажом ниже.

— Ушёл в северный корпус, — говорит Глеб, закрывая панель. — Там выходят три прохода, камеры выключились одновременно. Ты трогала бумагу?

— Только краем пакета. Подушку тоже не переворачивала.

Он кивает, довольный, что договор не закончился через несколько часов после подписания. Потом читает записку сквозь прозрачный пластик. Я жду приказа отменить моё участие, но Глеб лишь фотографирует её защищённым телефоном и проверяет время сервисного доступа.

— Они могли убить нас ночью, — говорю я. — Вместо этого предложили обмен.

— Им нужна ты живой. Без биометрии ключ бесполезен. — Он смотрит на моё кольцо, словно напоминает себе, какую роль теперь обязан играть. — Завтрак состоится. Маргарита ждёт, что после этой записки ты испугаешься и выдашь себя.

Я забираю пакет с запиской и возвращаю ему. Утром мы всё равно войдём в зал, где человек, приславший угрозу, сможет наблюдать за мной с нескольких шагов.

— Значит, разочаруем её, — решаю я.

Утром гостиную главного корпуса наполняют запах кофе, выпечки и сосновой смолы от распахнутых окон. За длинным столом сидят двенадцать новых пар. Мужчины останутся только на приветственный тост, после чего уйдут в конференц-зал, а женщины подпишут правила семейного совета.

Маргарита встречает нас у входа. В мягком голубом костюме и безупречно подобранных украшениях она кажется хозяйкой дорогого загородного клуба, а не женщиной, чей сын вчера угрожал моему мужу по легенде.

— Алиса, милая, я почти не спала после вчерашнего. — Она целует меня в щёку и берёт за обе руки. Большим пальцем проводит по кольцу. — Сергей должен был сам привести тебя к семейной жизни. Какая жестокая ирония.

Я позволяю ей рассмотреть ободок, затем мягко высвобождаюсь и беру Глеба под руку.

— Отец предпочёл бы сам выбрать мне мужа. Поэтому мы и скрывались.

— Три недели, верно? — Маргарита ведёт нас к столу, но усаживать не торопится. — А познакомились вы где? На какой-то лекции?

Она будто забыла то, что читала вчера. Секретарь рядом с её чашкой ничего не забыла: на планшете открыта наша анкета, и женщина уже держит палец над строкой «знакомство».

— На ужасно скучной лекции, — отвечаю я и жду, пока Глеб отодвинет стул. — Он ушёл раньше и забрал мой кофе.

Полковник на миг задерживает руку на спинке. По заготовке кофе купил он, уже на второй встрече. Я успеваю пожалеть о своей выдумке, но Глеб садится рядом и подхватывает её с таким недовольством, будто до сих пор считает стакан своим.

— На крышке было написано «Аля». Откуда мне было знать, что взрослая женщина так представляется бариста? — Он наливает мне кофе и тут же меняет чашку, заметив сахар на дне. — Она догнала меня на улице и заставила купить другой.

Несколько женщин смеются. Я пинаю его под столом за «Алю», он прихватывает мой носок ботинком и удерживает. Секретарь касается экрана, но я уже не понимаю, отмечает она ошибку или семейную привычку.

— Странно, что Кирилл ничего не заметил, — произносит Маргарита, подливая чай в полную чашку. Тонкая струйка попадает на блюдце. — Он уверял, что до маскарада вы едва знали друг друга.

— Кирилл редко замечает то, что не выбрал сам, — говорю я и вытаскиваю ногу, пока Глеб не испачкал мне туфлю.

Глеб накрывает мою руку ладонью, пока остальные гости делают вид, что заняты завтраком. Его пальцы касаются пульса на запястье, и я не могу понять, успокаивает он меня или проверяет, насколько сильно я нервничаю.

— Мы скрывались не от Кирилла, — добавляет он. — Я не хотел ставить Алису между собой и её отцом, пока она сама не решит рассказать.

— Какая редкая деликатность для полковника, — замечает Маргарита. — А что ваша жена любит больше всего? Кроме права решать самостоятельно, разумеется.

Она обращается к Глебу, но смотрит на меня. Я вспоминаю анкету: там перечислены книги, маршруты пробежек, любимое кафе. Верный ответ подтвердит, что он изучал досье; живой может не совпасть с фактами.

Глеб берёт с общего блюда булочку с корицей и кладёт на мою тарелку.

— Когда Алиса волнуется, она забывает поесть и уверяет, что кофе заменяет завтрак. Поэтому сейчас больше всего она любит вот это, даже если спорит.

Я действительно ничего не ела с маскарада. Булочка горячая, сахар липнет к пальцам. Его ответ одновременно выдаёт слишком короткое знакомство и звучит так по-домашнему, что секретарь перестаёт печатать.

— А вы? — Маргарита переводит проверку на меня. — Что любит Глеб?

— Контроль, — отвечаю я, отламывая кусочек выпечки. — Запасные выходы. Чёрный кофе. И закрываться в ванной после того, как обнимет жену.

Глеб медленно ставит чашку. За столом снова смеются, на этот раз громче. На его скулах проступает редкий румянец, а я впервые вижу полковника застигнутым врасплох.

Маргарита улыбается вместе со всеми, но секретарь опять касается планшета.

— Молодожёны обычно не отпускают друг друга так быстро. Может быть, вы всё-таки поссорились вчера? Нам сообщили о сбое безопасности в вашем коттедже.

Записка под моей подушкой становится тяжелее, хотя сейчас лежит у Глеба. Маргарита знает о ночном проникновении, которое не зафиксировала официальная система. Она ждёт, что мы посмотрим друг на друга перед ответом.

Я поворачиваюсь к мужу и беру его за ворот рубашки.

— Видишь? Даже Маргарита считает, что ты слишком часто от меня убегаешь.

Глеб успевает понять мой замысел. Он наклоняется и целует меня перед всем столом — сначала легко, как требует спектакль, а потом задерживается на долю секунды дольше. Я чувствую вкус крепкого кофе на его губах и забываю про секретаря, пока чья-то вилка не падает на тарелку.

— Мы не ссорились, — произносит он, отстраняясь. — Сработал датчик. Я проверил дом.

Маргарита смотрит на нас с прежней материнской теплотой. Только ложка в её чашке больше не звенит: она удерживает её слишком крепко.

После тоста мужчины уходят. Глеб касается губами моего виска у дверей и шепчет, не меняя улыбки:

— Если станет опасно, трижды нажми боковую кнопку телефона. Я войду, даже если придётся сломать дверь.

— А если мне просто захочется снова проверить легенду? — Я поправляю ему воротник, продолжая играть для женщин за столом.

Он перехватывает мои пальцы и на секунду прижимает их к губам. Тёплое прикосновение больше похоже на ответ, чем его слова.

— Не нажимай.

Он всё-таки улыбается и уходит. Маргарита приглашает меня ближе к центру стола. Теперь в её вопросах меньше любопытства и больше власти. Она рассказывает о фонде, помощи семьям, правилах конфиденциальности. Женщины по очереди принимают электронное соглашение в приложении «Рубеж».

Женщина справа от меня так и не притронулась к завтраку. На карточке перед ней написано «Вера Лебедева». Она переворачивает телефон экраном вниз, через минуту снова смотрит и быстро прячет, хотя аппарат ни разу не подал сигнала.

Маргарита приближается к нашему концу стола. Вера засовывает телефон под салфетку, цепляет локтем чашку, и чай течёт по белой скатерти ей на колени.

— Господи... простите. — Она пытается вытереть пятно той же мокрой салфеткой и только размазывает его. — Я сейчас всё уберу, Маргарита Викторовна.

— Сиди, Верочка. — Маргарита останавливает её ладонью на плече. Вера послушно садится, хотя чай уже пропитал серое платье. — Мы ведь умеем заботиться о своих. Тебе пора это вспомнить.

Я роняю вилку и наклоняюсь одновременно с Верой. Под столом подаю ей сухую салфетку. Она хватает меня за пальцы неожиданно сильно.

— Уведомлениям не верьте, — выдыхает она, не поднимая головы.

Маргарита ждёт, когда мы выпрямимся. Я кладу испачканную вилку на край тарелки и прошу Веру рассказать о помощи вдовам — слишком громко и с нарочито любезной улыбкой. Вера цепляется за безопасный вопрос, сначала сбивается, потом начинает говорить увереннее.

После соглашения приложение обновляется. Под привычными разделами о льготах, страховках и встречах идёт незаявленный обмен данными. Интерфейс его не показывает, но пакеты возвращаются каждые семь секунд.

Я использую тестовую ошибку синхронизации и открываю служебный слой. Среди отчётов о доставке, номеров коробок и коротких кодов появляется новое сообщение.

«Ключ у жены полковника. Начать изъятие».

Глава 6. Кто-то внутри дома

Я не делаю снимок экрана. Служебный канал наверняка отслеживает любые попытки копирования. Запоминаю номер пакета, время и три соседних кода, затем закрываю приложение и до конца завтрака улыбаюсь Маргарите.

Глеб ждёт у коттеджа. По тому, как он стоит на верхней ступени, я понимаю: мой сигнал не приходил, но спокойнее он от этого не стал. Я поднимаюсь на веранду, позволяю ему поцеловать меня в щёку для наружной камеры и только в ванной сообщаю о скрытом канале.

— «Начать изъятие», — повторяет он. — Время публикации?

— Девять сорок три. — Я восстанавливаю в памяти порядок пакетов. — Через минуту после того, как мне открыли доступ совета.

Я перечисляю коды. Глеб записывает их на бумаге, потому что ванной мы доверяем больше электронных устройств. Он не успевает закончить третий, когда наверху с тяжёлым стуком закрываются вентиляционные заслонки.

Музыка в спальне обрывается. Замок ванной щёлкает сам, и на панели умного дома загорается красная надпись: «Аварийная изоляция».

Под предупреждением появляется таймер: до автоматического вызова службы безопасности остаётся девять минут. Только номер службы принадлежит внутренней сети фонда. Те, кто запер нас, собираются сами прийти на свой вызов.

Глеб дёргает ручку, затем отступает и бьёт пяткой рядом с язычком. Дверь выдерживает.

— В гостиной и спальне такие же электрозамки, — говорю я, открывая приложение. — Система отрезала все помещения друг от друга.

— Окно? — Глеб бросает взгляд на маленькую матовую створку под потолком.

Я проверяю схему. Вчера мы изучали дом снаружи, но панели прятались в оконных нишах и не вызывали подозрений.

— Заблокированы штормовые ставни. Они были в сервисной схеме.

Он достаёт из дорожного набора отвёртку и снимает накладку замка. Я подключаю телефон кабелем к панели умного дома. Экран показывает официальную сеть, однако команды уходят с задержкой и возвращаются уже изменёнными.

В ванной быстро становится душно. Система перекрыла приток воздуха и включила подогрев пола на максимальную мощность. Каменные плитки обжигают босые ступни, зеркало запотевает без горячей воды.

— Оставь замок, — прошу я. — Если сломаете привод, дверь останется закрытой даже после перехвата.

Глеб останавливается, хотя металлическая пластина уже выгнута.

— Сколько тебе нужно? — Глеб удерживает отвёртку у самого привода.

— Если это та же сеть, что ночью, минуту. Если другая — не знаю, — признаюсь я, не отрываясь от экрана.

Он снимает рубашку с вешалки, сворачивает и кладёт мне под ноги, защищая от горячего пола. Сам остаётся у двери и слушает коридор через вскрытую панель. Я нахожу второй идентификатор маршрутизатора. Официальная сеть лишь показывает красивую тревогу, а все команды идут через локальную копию с почти таким же названием. Разница в одном символе, который на экране выглядит как обычная латинская буква.

Поддельный контроллер отказывается принимать пароль прикрытия и трижды сбрасывает соединение. Я перестаю входить как хозяйка дома и отправляю запрос от термостата. Система доверяет собственным датчикам больше, чем людям, поэтому на несколько секунд открывает служебный порт.

Таймер показывает шесть минут. Жар поднимается по ногам, воздух пахнет нагретой изоляцией. Глеб смачивает полотенце под краном, кладёт мне на шею и возвращается к замку. Теперь он ждёт моих указаний.

Я принудительно отправляю запрос через настоящий шлюз. Поддельная сеть пытается перехватить его, и на секунду выдаёт таблицу активных устройств. Четыре камеры, замки, вентиляция и чужой терминал в сервисном проходе за спальней.

Я копирую идентификатор терминала и направляю ему команду закрыть активные процессы. Человек за стеной отменяет её почти сразу. Он видит нашу борьбу и понимает, что мы ещё в сознании. Таймер исчезает; вместо него на панели появляется ручная команда «изъятие объекта».

— У нас гость, — говорю я. — Внутри дома.

— Чуть вправо, — прошу я.

Глеб поворачивает отвёртку. Привод дрожит у него под пальцами, и на моём экране настоящий контроллер наконец перехватывает замок. Дверь распахивается так резко, что я едва не падаю с рубашки на горячий пол. Мы выходим в спальню, где уже прохладнее, но лестница остаётся запертой.

За стеной скрипит выдвижной ящик. Следом звякают мои флаконы, сваленные в косметичку. Ночной гость вернулся через лаз и спокойно обыскивает спальню, считая нас запертыми.

Глеб показывает на сервисную панель и поднимает два пальца. Я не сразу вспоминаю сигнал. Он беззвучно шевелит губами: «две минуты». Потом входит в проход первым.

Я торопливо натягиваю туфли, прячу телефон за пояс и иду следом. В узкой щели между стенами трудно развернуть плечи; древесная пыль липнет к мокрой шее. За решёткой возле шкафа мужчина в серой куртке вытряхивает мою сумку на кровать. Подкладка распорота, браслет отброшен в сторону. Настоящий модуль лежит в экранирующем кармане на поясе Глеба.

Полковник указывает мне назад. Я отхожу за поворот, но не замираю там послушной женой: открываю схему и блокирую дальнюю сервисную дверь. Только когда значок меняет цвет, касаюсь плеча Глеба. Он выталкивает решётку.

— На пол. Руки за голову.

Незнакомец не тянется к оружию. Он бросает в окно небольшой чёрный модуль. По коттеджу проходит короткий электрический удар, и свет гаснет. В темноте разбивается стекло, Глеб ругается и прыгает следом.

Я остаюсь в проходе и считаю до трёх, как ночью учила Наталья. Потом возвращаю питание телефона и открываю камеры на резервной батарее. В объективе у веранды появляется второй мужчина в форме технической службы. Он касается планшета, и ставни первого этажа начинают подниматься, открывая беглецу выход.

Я отправляю на его устройство ложное предупреждение о приближении охраны. Сообщник оглядывается, теряет несколько секунд и прячет планшет в технический шкаф. Этого хватает, чтобы камера сняла его профиль. Сохранить кадр я не успеваю: он обесточивает весь блок.

Я включаю фонарь, возвращаю питание телефону и вижу, что дальняя дверь снова открыта. У нападавшего есть сообщник с доступом к системе. На внешней камере мелькают двое: один уходит между коттеджами, второй закрывает технический шкаф и смешивается с обслуживающим персоналом.

Глеб возвращается через несколько минут с порезанной ладонью и кровью на боку. Стекло распороло рубашку ниже рёбер. Он зажимает рану, но первым делом проверяет пояс с ключом.

— Ушёл, — сообщает он. — На дорожке ждал электрокар без номера.

— Зато его терминал остался в сети. — Я показываю телефон и второй рукой прижимаю к его боку чистое полотенце.

Я сажусь на пол возле панели, пока Глеб восстанавливает механический выход. Поддельный маршрутизатор уже начал стирать журналы, но один пакет застрял в буфере после отключения. Я копирую его на телефон прикрытия и разворачиваю цепочку разрешений.

Доступ к сервисному проходу выпущен с внутреннего терминала оперативной группы. Серийный номер входит в закрытый диапазон оборудования Рахманова. Враг мог скопировать код, однако для выпуска требуется действующая подпись сотрудника.

Я сверяю время. Разрешение создано за сорок минут до нашего въезда, когда техника группы ещё находилась на базе. Подменить журнал задним числом можно, но злоумышленник не стал: он рассчитывал, что после «изъятия» проверять будет некому.

Глеб спускается ко мне, придерживая бок. На экране внизу отчёта появляется строка владельца сертификата.

Я увеличиваю строку владельца. Вместо фамилии одного из сотрудников там стоит полное имя человека, сидящего рядом со мной.

«Полковник Глеб Рахманов. Личный электронный сертификат».

Глава 7. Кровь на его рубашке

— Сядьте.

Глеб продолжает смотреть на собственное имя в журнале, будто приказывает строке исчезнуть. Кровь тем временем пропитывает полотенце под моей ладонью и стекает к ремню.

— Порез неглубокий.

— Тогда вы переживёте десять минут на краю ванны. — Я закрываю файл и убираю телефон, не позволяя ему снова потянуться к экрану. — Сертификат никуда не денется. Вы, если будете упрямиться, можете.

Глеб хочет возразить, но на лестнице срабатывает наружная камера. Он мгновенно выпрямляется, прячет окровавленную сторону от объектива и обнимает меня за плечи. В коттедж входят двое сотрудников комплекса — те самые, которых вызвала ложная авария.

— Всё уже работает, — сообщаю я, встречая их в гостиной. — Муж решил, что способен починить умный дом отвёрткой. Стекло не пережило.

Один техник смеётся, второй внимательно смотрит на порезанную рубашку Глеба. Полковник целует меня в висок и с виноватым видом обещает больше не вмешиваться в электронику. Если бы я не чувствовала, как тяжело он опирается на моё плечо, сама поверила бы.

Техники проверяют панель, видят чистый официальный журнал и уходят. Поддельный контроллер успел стереть следы блокировки, но наша копия сохранена отдельно. Как только дверь закрывается, я веду Глеба наверх.

— Снимайте рубашку.

— Алиса... — Он берётся за край ткани и оглядывается на дверь, словно даже сейчас ищет предлог вернуться к работе.

Я открываю аптечку и выкладываю всё нужное на раковину. Если дать ему хотя бы минуту, полковник снова окажется у терминала и убедит себя, что полотенца на боку достаточно.

— В нашем договоре о потере крови ничего не было. Садитесь.

В ванной прохладно после восстановленной вентиляции. Глеб опускается на край широкой ванны и расстёгивает рубашку. Порез тянется по правому боку от нижнего ребра почти до спины. Края ровные, осколков не видно, но кровь продолжает выступать, когда он двигается.

Я промываю рану, прижимаю салфетку и замечаю старые белые полосы выше. Один шрам уходит под ключицу, другой пересекает плечо. В маскарадном зале Глеб казался мужчиной, которого невозможно застать врасплох. Сейчас он сидит босиком на кафеле, держит моё полотенце у бока и морщится от обычного антисептика.

— Щиплет? — спрашиваю я.

— Нет.

Я прижимаю салфетку немного сильнее. Глеб дёргается и тут же делает вид, что просто решил сесть удобнее.

— Значит, вы всегда так стискиваете зубы от удовольствия.

Он выдыхает через нос, и я впервые слышу его короткий смех без свидетелей. Напряжение отпускает нас на несколько секунд. Потом Глеб замечает красный след на моём запястье, оставшийся после заблокированного браслета, и перестаёт улыбаться.

— Тебя могли забрать через этот проход, пока я гнался за первым.

— Но не забрали. — Я наклеиваю следующую полоску, не позволяя ему подняться.

Он смотрит на закрытую дверь ванной. После ловушки прошло меньше часа, и Глеб всё ещё прислушивается к каждому звуку в спальне.

— Потому что ты нашла сеть. Если бы не нашла...

Он обрывает себя. Я накладываю стерильные полоски поперёк пореза и чувствую, как Глеб следит не за моими руками, а за лицом. Его пугает не скомпрометированный сертификат и даже не человек внутри группы. В памяти у него снова закрытая ванная и девять минут на таймере.

— Вы вернулись за мной, — напоминаю я. — Хотя могли продолжить погоню.

— Это не обсуждалось. — Глеб произносит это жёстко, затем замечает моё лицо и медленно разжимает пальцы на полотенце.

Фраза звучит привычно властно, но он тут же опускает взгляд на мокрое полотенце. Словно сам слышит, что опять назвал мою жизнь решением, которое принадлежит только ему.

— По нашему договору обсуждается всё, — говорю я спокойнее. — Даже ваш страх.

Глеб проводит ладонью по лицу и задевает порез на пальце. Я перехватываю его кисть, осматриваю ссадину и только тогда замечаю, насколько она холодная.

— Воронов говорил мне о «Семье» месяц назад, — произносит он. — Сказал, что готовит гражданского специалиста на случай, если операция провалится. Имени не назвал.

Я затягиваю бинт вокруг его ладони чуть туже, чем нужно.

— И вы согласились использовать незнакомую женщину? — Я отворачиваюсь к аптечке, чтобы не выдать, насколько мне нужен его ответ.

— Я назвал план безумием. — Глеб не отнимает руку. — Потребовал вывести гражданского человека из схемы. Генерал ответил, что специалист сам определит предел участия и что без него мы не увидим архив.

Он говорит о споре с моим отцом без привычного почтения. Значит, не согласился для порядка и не отступил после первого приказа. От этого поступок генерала становится ещё обиднее: он выслушал возражения и всё равно оставил меня в темноте.

— Удобно говорить о моём выборе, когда я ничего не знала. — Бинт цепляется за застёжку часов, и я раздражённо разматываю его заново.

— Да. — Он принимает упрёк без защиты. — Я думал, что речь о подготовленном эксперте старше, с опытом работы под прикрытием. Потом увидел твоё имя в гостевом списке.

Я вспоминаю его лицо в служебной комнате: он действительно выглядел человеком, которому подменили операцию на ходу. Это не отменяет попытку забрать ключ и отправить меня под охрану.

— И решили запереть меня в безопасном месте, — напоминаю я.

— Решил. — Глеб поворачивает руку, и теперь уже он удерживает мои пальцы. — Потому что на маскараде ты целовала меня, а через минуту я увидел прицел на твоём запястье. Никакого эксперта в тот момент не осталось. Была женщина, которую я не успел...

Он замолкает. В ванной шумит вентиляция, с крана падает вода на металлическую решётку. Мне хочется спросить, чего именно он не успел: защитить, узнать или поцеловать иначе. Вместо этого я освобождаю руку и приклеиваю конец бинта.

— Не заканчивайте. Вы снова скажете что-нибудь командирское.

— Скорее всего, — признаёт он, и уголок его рта едва заметно дёргается.

Я помогаю ему надеть чистую футболку. Ткань цепляется за повязку, Глеб наклоняется ближе, и его дыхание касается моей щеки. Мы оба замираем, хотя никакой камеры в ванной нет. Он может поцеловать меня и не станет. Я могу сделать это первой второй раз — и тоже не делаю.

Телефон прикрытия звонит в спальне.

На экране имя Кирилла. Глеб успевает застегнуть ремень и жестом просит включить громкую связь. Я отвечаю не сразу, заставляя звонок повториться.

— Алиса, слава богу. — Кирилл говорит быстро, но голос у него слишком собранный для испуганного человека. — Отец жив. Его нашли наши люди, он успел дать показания.

— Где он? — Я сажусь на край кровати, а Глеб остаётся у двери ванной, не вмешиваясь.

Кирилл отвечает не сразу. Я слышу короткий шорох, будто он прикрыл микрофон ладонью и спросил разрешения у человека рядом.

— В безопасном медицинском блоке. Тебя туда не пустят, пока рядом Рахманов. Он знает почему.

Я смотрю на полковника. Глеб не качает головой и не пытается отключить разговор. Только достаёт другой телефон и начинает записывать вызов.

— Пришли подтверждение, — требую я. — Сегодня я уже видела пустую машину с кровью отца.

Кирилл замолкает. На заднем плане скрипит дверь, кто-то негромко спрашивает, готов ли файл.

— Ты услышишь его сама, — отвечает он. — А потом снимешь кольцо человека, который всё это устроил.

Вызов заканчивается. Через секунду приходит аудиофайл. Глеб просит не открывать на основном телефоне, и мы запускаем запись в изолированной системе.

Сначала слышно тяжёлое дыхание. Потом голос отца — слабый, но узнаваемый до последней хриплой ноты:

«Алиса, слушай Кирилла. Рахманов знал о покушении».

Глава 8. Жених знает слишком много

Я запускаю запись снова. На четвёртом повторе Глеб накрывает динамик ладонью, и отцовское «Рахманов знал» обрывается посередине.

— Хватит, Алиса.

— Вам — может быть. — Я отнимаю телефон и держу у самого уха. — Он делает паузу после моего имени. Всегда так говорит, когда рядом кто-то чужой.

Фон пустой, будто отца записывали в комнате без окон. Ни голосов, ни медицинских приборов. Только тяжёлый вдох и фраза, после которой мне предлагают выбрать Кирилла.

Глеб садится у стола, осторожно, чтобы не потянуть рану, и открывает звуковую дорожку. Я жду, что он найдёт монтаж за несколько секунд и вернёт мне безопасную версию отца. Полковник долго увеличивает участки записи, потом снимает наушник.

— Голос его. Файл перед отправкой перекодировали, метаданные стёрли. Явной склейки не вижу.

— Значит, он сказал правду?

Глеб поднимает на меня уставшие глаза.

— Значит, восьми секунд мало. Мне тоже.

Я открываю переписку с Кириллом раньше, чем решаю, стоит ли показывать сообщение Глебу. Пишу: «Через час. Зимний сад. Одна». Потом добавляю: «Или больше не звони», — и отправляю.

— Я встречусь с ним, — говорю уже после сигнала доставки.

Глеб читает сообщение через моё плечо. Слово «одна» ему явно не нравится, но он не требует отменить встречу. Только забирает со спинки стула чистую рубашку и начинает одеваться.

— «Одна» означает, что я не сяду рядом, — произносит Глеб, продевая здоровую руку в рукав. Раненый бок не даёт ему расправить ткань, и я молча помогаю. — Буду через зал. Наталья перекроет выход к парковке.

— А если он заметит вас или микрофон?

Глеб достаёт тонкую цепочку, больше похожую на дешёвое украшение, и не спешит застёгивать. Ждёт моего согласия. Я поворачиваюсь к нему спиной сама.

— Если заметит, решу на месте, — говорю я, повторяя наше правило раньше него. — Из публичной зоны не уйду.

Замок цепочки никак не попадает в петлю. Глеб раздражённо выдыхает, пробует ещё раз и задевает пальцами мой затылок. После ванной это прикосновение кажется слишком знакомым. Я отхожу сразу, как микрофон оказывается на месте.

В зимнем саду жарче, чем снаружи. Под стеклянной крышей пахнет влажной землёй и лимонными листьями, официанты лавируют между кадками. Кирилл сел возле фонтана: вода заглушает слова для соседних столов, а официальная камера смотрит прямо на нас.

Он не здоровается. Сразу замечает кольцо Глеба и отодвигает стул носком ботинка, не касаясь его рукой.

— Всё ещё носишь.

Я сажусь напротив и кладу обе ладони на стол. Пусть видит ободок. Глеб через камеру тоже увидит, что я не снимаю его.

— Ты обещал отвести меня к отцу.

Кирилл достаёт телефон, однако не отдаёт. На экране остановлен кадр с больничной койкой: видна забинтованная рука и край знакомых отцовских часов.

Рядом он кладёт красную коробочку с маскарада. Кольцо внутри повёрнуто камнем ко мне, как застывшее продолжение его предложения. Кирилл привёз его на секретный форум

с похищенным генералом и стрелками, потому что по-прежнему уверен: главная проблема между нами — мой неправильный ответ.

— Сними кольцо Рахманова. Скажи, что возвращаешься ко мне, и через десять минут увидишь генерала по защищённой связи. Когда врачи разрешат, я отвезу тебя лично.

— Вчера ты пытался жениться на мне без согласия. Сегодня предлагаешь купить встречу с раненым отцом. — Я захлопываю коробочку одним пальцем. — У тебя удивительно стабильные методы.

Он стискивает телефон, но сдерживает резкость. Вокруг нас слишком много свидетелей.

— Я пытаюсь вытащить тебя из операции, которую Рахманов начал до нападения. Твой отец всё понял. Ты сама слышала.

— Я слышала восемь секунд. — Я протягиваю руку к его телефону, но Кирилл убирает аппарат ближе к себе. — Покажи остальную запись.

Кирилл проводит пальцем по экрану и вместо аудио открывает фотографию. Ночная парковка, дата — семь дней до маскарада. Глеб стоит возле тёмного автомобиля и разговаривает с мужчиной в кепке. Лицо второго видно достаточно хорошо. Я узнаю стрелка с фотографии, которую Наталья показала после нападения: Андрей Власов, бывший техник ведомственного склада. Его нашли мёртвым на северной галерее.

Я увеличиваю снимок, пока Кирилл не успевает отобрать телефон. Свет от фонаря падает одинаково на машину, лица и мокрый асфальт; грубой склейки нет. На электронном табло парковки видна та же дата. Проверить исходный файл я смогу позже, но фотография сделана не за пять минут до нашей встречи.

— За неделю до выстрелов твой муж тайно встречался с человеком, который стрелял в генерала, — произносит Кирилл. — После покушения Власов погиб. Удобный свидетель.

У меня холодеют пальцы. Я не убираю их со стола, чтобы Глеб через камеру видел: встреча продолжается по плану.

— Отправь фотографию.

— Сначала кольцо. — Кирилл пододвигает закрытую коробочку обратно ко мне.

Я не прикасаюсь к ней. Встаю медленно, чтобы окружающие увидели: ухожу сама, меня никто не гонит и не удерживает.

— Тогда разговора не будет. — Я отодвигаю стул. Кирилл тоже вскакивает, и несколько гостей оборачиваются. Он успевает переслать снимок прежде, чем я делаю второй шаг.

Телефон вибрирует. Я проверяю файл, убеждаюсь, что он открылся, и снова сажусь. Кирилл принимает это за уступку.

— Я не прошу сразу назначать свадьбу, — говорит он уже мягче. — Вернись под нашу защиту. Мать всё устроит, отец получит лучших врачей. Рахманов перестанет использовать тебя как пропуск.

— А потом я соглашусь, потому что ты лучше знаешь, что мне нужно? — Я опускаю взгляд на коробочку, оставшуюся у его локтя.

Кирилл отводит взгляд к фонтану. Ответа не требуется: именно такое будущее он приготовил и искренне считает безопасным.

— У тебя сутки, — произносит он. — Потом отец может уже не дождаться.

Я ухожу, не прощаясь. У дверей зимнего сада Глеб подстраивается под мой шаг, будто случайно встретил жену. Наружная камера провожает нас до дорожки между корпусами, и только там он тихо просит:

— Не останавливайся.

Я и не собиралась. Протягиваю телефон на ходу. Глеб видит фотографию, замедляется и тут же снова ускоряет шаг, вспомнив собственное предупреждение.

— Скажите до того, как откроете файл, — требую я. — Вы встречались с Власовым?

— Встречался. Он передавал мне сведения со склада.

Я ждала объяснений, сложного технического трюка, подделки. Простое признание заставляет меня резко рассмеяться, и Глеб смотрит на меня с тревогой.

— Вчера вы назвали его стрелком. Одного слова не хватило: «мой».

— Алиса, у Власова был посредник. — Он отдаёт мне телефон, не открывая фото дальше. — Этот человек до сих пор внутри «Контура». Назову его — и поставлю под удар.

Мимо проходит официант с пустым подносом. Мы расступаемся, обмениваемся вежливыми улыбками и ждём, пока он скроется за поворотом. За эти секунды я успеваю понять довод Глеба и ещё сильнее на него разозлиться.

— Я не требую имя при камерах. Требую признать, что вы снова выбрали за меня границу правды.

Глеб поправляет край рубашки над повязкой. Резкое движение отдаётся болью, но он даже не смотрит на бок.

— Второй источник не связан с твоей задачей на форуме.

— Он связан с тем, могу ли я доверять человеку рядом. — Я убираю телефон в сумку и сворачиваю к коттеджу первой.

Глеб не удерживает меня и не окликает. Я понимаю, почему он защищает источник: лишнее имя в нашем устройстве действительно может стать приговором. Только отец рассуждал так же, когда прятал на мне ключ. Глеб обещал поступать иначе и при первом тяжёлом выборе нашёл оговорку.

В коттедже он уходит в ванную сменить повязку. Я остаюсь в спальне и подключаю телефон к безопасному терминалу, чтобы проверить исходную фотографию. Планшет Глеба лежит рядом, экран гаснет не сразу. В верхнем углу появляется значок завершённой синхронизации.

Я не касаюсь устройства. Уведомление само разворачивается поверх рабочего окна.

«Получен закрытый пакет. ВОРОНОВА А. С. — СУПРУГА».

Под названием стоит дата создания.

Девяносто два дня назад.

Глава 9. Жена, выбранная заранее

Дверь ванной открывается, и Глеб сразу замечает уведомление на своём планшете. Смотрит на экран, на меня, затем снова на название папки.

— Я её не открывала.

— Вижу. — Он подходит, но не берёт устройство. — Пакет только что синхронизировался.

На экране рядом стоят сегодняшнее время получения и старая дата создания. Глеб смотрит на них так же долго, как я, и от этого легче не становится.

— А создали его девяносто два дня назад. Когда вы впервые узнали, что вашей женой должна стать Алиса Воронова? — Я касаюсь старой даты кончиком ногтя.

Глеб не отвечает привычным «не сейчас». Он садится рядом, прикладывает перевязанный палец к считывателю и разворачивает планшет так, чтобы мы оба видели экран. Папка запрашивает ещё один служебный код, затем открывается.

Первая фотография сделана у входа в мою лабораторию. Я выхожу после работы, зажав телефоном волосы от ветра. На второй покупаю кофе. Дальше — дом, машина, схема привычных маршрутов и список людей, с которыми я общаюсь.

— Очень трогательно, — произношу я. — Вы даже знали, где я беру булочки.

— Я вижу это впервые. — Глеб не пытается отобрать планшет или пролистнуть фотографии быстрее.

Он говорит слишком тихо, и я не могу понять, кого пытается убедить. На следующей странице моя биография разобрана по пунктам: образование, специализация, проекты лаборатории. Есть раздел «поведенческие реакции».

«При ограничении информации проявляет сопротивление. Склонна действовать самостоятельно, если считает, что её лишают выбора. Давление авторитета вызывает обратную реакцию».

Составитель знал меня хорошо. Возможно, слишком хорошо для полковника, видевшего меня подростком один раз, но достаточно хорошо для родного отца.

Я листаю дальше и нахожу сценарий ввода в операцию.

«Роль: супруга полковника Рахманова Г. М. Доступ: женский совет фонда. Основная задача: активация “Ключа-7”. Легенда доводится после запуска протокола».

Под текстом пустое поле для фотографии пары. Теперь система уже подставила наш поцелуй с маскарада.

— Ирина Сомова здесь даже не упомянута, — говорю я. — Вы готовили одну жену, а в вашем закрытом пакете три месяца лежала другая.

Глеб открывает свойства документа. Автор скрыт под кодом группы Воронова, журнал первого доступа зашифрован и пока показывает только сегодняшнюю синхронизацию.

— Сомову готовила моя группа для обычного внедрения, — объясняет он. — Этот пакет создали люди генерала как аварийную замену. Он не передавался на мой терминал до нападения.

— Вы не можете это доказать. — Я открываю зашифрованный журнал и получаю отказ в доступе.

Он не предлагает поверить ему на слово. Только увеличивает служебный код автора, словно надеется узнать знакомую подпись.

— Пока — нет.

Мне хотелось бы поймать его на лжи. Тогда можно перестать выбирать между голосом отца, фотографией Кирилла и мужчиной, рядом с которым я проснулась женой по чужому плану. Глеб оставляет экран открытым и не пытается стереть файл.

— Верните ключ, — прошу я.

Он достаёт экранирующий пакет с пояса и протягивает без спора. Я проверяю пломбу, затем прячу модуль во внутренний карман платья, подготовленного для вечернего приёма. Карман Наталья прошила тонкой металлической сеткой; снаружи его не видно.

— До конца операции ключ остаётся у меня.

— Согласен. — Глеб кладёт пустой поясной карман на тумбочку, показывая, что второго модуля у него нет.

Я зашиваю внутренний карман двумя крупными стежками из дорожного набора. Теперь забрать пакет незаметно не получится.

— Даже если решите, что я слишком потрясена, зла или плохо защищена.

Глеб закрывает папку, но планшет оставляет на моей стороне кровати.

— Даже тогда.

Он мог сказать это сразу в служебной комнате. Тогда мне не пришлось бы угрожать уничтожением токена. Сейчас обещание даётся легко, потому что мы оба успели понять его цену.

До вечера остаётся меньше часа. Отказаться от приёма нельзя: супруги, которые скрылись после проверки легенды и проникновения в дом, подтвердят подозрения Маргариты. Я переодеваюсь в ванной, Глеб — в спальне. Когда выхожу, он уже в тёмном костюме и без оружия на виду. Повязка под рубашкой делает правый бок чуть шире.

— Если рана откроется, мы уходим, — говорю я.

— В нашем договоре такого пункта нет. — Глеб поправляет пиджак, скрывая повязку.

Я беру его под руку с раненой стороны и заставляю перенести вес на меня. Камера в спальне получает убедительную картину нежности; полковник — предупреждение, которое невозможно не заметить.

— Я только что добавила.

Он подаёт мне руку. Несколько секунд я смотрю на ладонь с бинтом, потом принимаю её. Мы идём на вечер вместе, хотя доверие между нами теперь держится на обещаниях, которые ещё ни разу не прошли настоящую проверку.

Приём проводят в стеклянном павильоне у озера. Музыка слышна ещё с дорожки, на воде дрожат отражения гирлянд. Гостей рассаживают по семейным столам, но Маргарита объявляет первый танец обязательным для новых пар.

— Совет любит традиции, — говорит она со сцены. — Особенно те, которые напоминают мужьям смотреть на своих жён, а не в служебные телефоны.

Глеб ведёт меня на паркет. Его ладонь ложится ниже лопаток, моя — на плечо. После папки «Супруга» прикосновение должно казаться частью заранее написанного сценария, но я ощущаю тепло сквозь рубашку и слишком хорошо помню ванную.

— Кто составлял раздел о моих реакциях? — спрашиваю я, когда музыка заглушает слова.

— Скорее всего, Воронов. Или человек, которому он дал твои данные.

Ответ снова возвращает нас к отцу. Я меняю шаг, уходя от чужой пары, и замечаю, как Глеб заранее готовится к следующему упрёку.

— Там написано, что я плохо переношу давление авторитетом, — напоминаю я.

— Очень спорное наблюдение. — Он удерживает серьёзное лицо всего секунду.

Я наступаю ему на носок. Глеб морщится — не от ноги, от потянувшегося бока — и всё же смеётся. Пара рядом оборачивается на звук, видит счастливых молодожёнов и улыбается.

— А женщина в чёрной маске тоже была частью плана? — спрашиваю я.

Он перестаёт смеяться. Мы продолжаем двигаться, чтобы не привлекать внимания, но его ладонь на моей спине становится неподвижной.

— Я не знал её имени. Не видел лица целиком. И всё равно хотел, чтобы она не уходила с паркета.

— Вы помогали ей избавиться от Кирилла.

Глеб ведёт меня в поворот, и на несколько шагов мы оказываемся ближе, чем требует танец. Он отвечает только там, где музыка громче.

— Сначала — да. Потом забыл про Кирилла.

Мы оказываемся у края площадки, за колонной, куда не достаёт главная камера. Глеб мог бы использовать признание как очередную деталь легенды, но здесь некому верить в наш брак.

— Алиса, если я сейчас тебя поцелую, операция будет ни при чём.

Конструкция звучит почти как предупреждение. Я вспоминаю папку, фотографии у лаборатории, скрытого источника и голос отца. Ни одна из этих причин не заставляет меня придвинуться ближе. Я делаю это сама.

— Тогда не останавливайтесь слишком рано.

Глеб касается моей щеки перевязанной ладонью и целует. Без зрителей он осторожнее, чем на завтраке, но в этой осторожности больше желания. Я держусь за его плечо, чувствую, как он подавляет движение навстречу, чтобы не задеть рану, и всё равно не отпускаю первой.

Когда мы возвращаемся к остальным, Вера проходит мимо с подносом бокалов. Её пальцы задевают мою ладонь. Я думаю, что она потеряла равновесие, пока не чувствую сложенную бумагу между пальцами.

Вера не смотрит на меня. Ставит бокалы на стол Маргариты и уходит к женской гостиной. Я прячу записку под браслет и читаю в дамской комнате, заперев дверь кабинки.

«Ваш отец в медицинском корпусе. До полуночи».

Сейчас без четверти одиннадцать. Я фотографирую записку на защищённый телефон и собираюсь отправить Глебу, когда в павильоне одновременно гаснут свет и музыка.

Женщины вскрикивают. Я выхожу из кабинки, подсвечивая дорогу экраном. Аварийные лампы не загораются. Зато один за другим оживают телевизоры над баром, проектор сцены и телефоны гостей.

На каждом экране появляется отец.

Глава 10. Не верь своему мужу

Отец сидит в металлическом кресле под белой больничной лампой. На виске запеклась кровь, губа рассечена, одна рука зафиксирована к груди. Серый цвет лица пугает сильнее синяков. Он дышит неглубоко, иногда прикрывает глаза, но держит голову сам.

— Папа! — Я подхожу к ближайшему экрану, будто расстояние можно сократить одним шагом.

Глеб оказывается рядом и обнимает меня сзади. Для окружающих поддерживает жену. На самом деле разворачивает так, чтобы видеть весь павильон и не дать кому-то приблизиться к ключу.

Из динамиков раздаётся голос отца:

«Рахманов знал о покушении. Он использовал Алису, чтобы забрать токен. Легенда брака была подготовлена заранее. Доверять ему нельзя. Ключ нужно передать Кириллу».

В зале начинают говорить все сразу. Гости отступают от нас, образуя пустой круг. Маргарита стоит возле сцены с ладонью у губ. Кирилл пробивается через толпу ко мне, но Глеб не пускает его ближе.

— Посмотри на правую руку, — шепчет полковник. — Он касается пальцами подлокотника перед каждой фразой. Кто-то даёт сигнал.

Я слышу, однако не могу отвести взгляд от лица отца. Он сказал, что Глеб знал. Повторил то же, что было в аудио. На экране отец трижды касается большим пальцем указательного, но сейчас движение кажется следствием боли, а не кодом.

— Запись идёт из медицинского корпуса, — говорю я. — Вера была права.

— Возможно. Фон подменён, метаданных нет.

Он продолжает искать техническую опору, потому что иначе должен просто попросить меня выбрать его против отца. Я выворачиваюсь из его объятий и становлюсь лицом к экрану.

— Вы всегда найдёте причину, почему мне нельзя верить собственному отцу?

Глеб отступает на полшага. Вокруг нас камеры, Кирилл и десятки свидетелей, но удар получает только он.

— Я прошу верить тому, что ты видишь целиком. Его заставляют.

Трансляция обрывается. Свет возвращается вместе с пронзительным сигналом пожарной тревоги. Люди тянутся к выходам, охрана требует покинуть павильон. Кирилл пытается взять меня за руку.

— Я отвезу тебя к отцу. Сними кольцо и пойдём.

Я выдёргиваю пальцы прежде, чем он касается ободка.

— Сначала покажи его живым по связи. Без записи.

Маргарита появляется между нами и кладёт ладонь сыну на плечо. Её лицо встревожено ровно настолько, чтобы хорошо выглядеть в объективах.

— Алиса сейчас не способна решать, — произносит она. — Отведите её в коттедж. Глеб Михайлович, надеюсь, вы хотя бы на это не станете возражать.

— Решать она способна, — отвечает он. — И пойдёт со мной.

Мы выходим через боковую дверь. До коттеджа меньше пяти минут, но дорожка кажется бесконечной. Глеб не пытается объясняться. Он идёт рядом, сохраняя видимость спокойствия, и один раз придерживает бок, когда уверен, что я не смотрю.

— Вера передала записку, — говорю я у самой веранды. — Медицинский корпус. До полуночи.

— Покажешь внутри. — Глеб пропускает меня на веранду, а сам оглядывает дорожку. — Сначала проверим, не шли ли за нами.

Он открывает дверь своим кодом. В гостиной темно. Официальная камера не мигает, хотя после тревоги система должна работать на резервном питании.

— Назад, — успевает сказать Глеб.

Свет вспыхивает сразу во всех комнатах. Из кухни и сервисного прохода выходят вооружённые сотрудники собственной безопасности. Ещё четверо врываются через вход за нашими спинами. Старший показывает постановление на экране планшета.

— Полковник Рахманов, руки за голову. Вы задержаны по подозрению в организации покушения на генерал-лейтенанта Воронова и похищении.

Глеб медленно поднимает руки. Я остаюсь между ним и группой, пока один из сотрудников не требует отойти.

— На каком основании? — Я читаю документ с расстояния. Подпись действующая, управление независимое от группы Глеба, время выдачи — десять минут назад. Слишком быстро после трансляции. — Кто подал материалы?

— Следственная тайна, Алиса Сергеевна. Отойдите. — Старший складывает планшет, отказываясь показать остальную часть постановления.

Я не двигаюсь. Тогда Глеб сам касается моего плеча и отводит в сторону. Его опускают на колени, заламывают руки и укладывают лицом в ковёр. Рана открывается под рубашкой, но он даже не просит ослабить захват.

Следователь в перчатках идёт прямо в спальню, словно знает, где искать. Через минуту возвращается с прозрачным пакетом. Внутри запасной пистолет Глеба.

— Он был в оружейном сейфе группы, — произносит полковник с пола. — Серийный номер в журнале.

— Теперь он лежал в тайнике под вашей кроватью. — Следователь переворачивает оружие, показывая маркировку. — Предварительная баллистика совпадает с пулей, извлечённой у генерала.

Я вспоминаю мужчину, обыскивавшего спальню, сервисный проход и личный сертификат Глеба. Кто-то получил доступ ко всему, что могло его уничтожить, и аккуратно разложил улики в нашем доме.

Второй пакет тяжелее. На ладони следователя лежит массивный перстень с чёрным камнем. Я видела его на руке отца в маскарадном зале. Внутри пакета размазана тёмная кровь.

— Где вы это нашли? — спрашиваю я.

— Вместе с оружием. — Следователь поднимает пакет выше, не позволяя мне рассмотреть внутреннюю гравировку.

Я делаю шаг к пакету, и сотрудник прячет его за спину. Другие уже подключают планшет Глеба к системе. На общем экране появляется папка «ВОРОНОВА А. С. — СУПРУГА», мои фотографии и сценарий введения в операцию.

— Пакет создан за три месяца до нападения, — сообщает следователь. — Полковник заранее выбрал дочь генерала для доступа к токену.

— Вы не проверили журнал первого открытия! — Я пытаюсь подойти к терминалу, но меня удерживает Наталья, появившаяся у двери вместе со второй группой. Её оружие уже забрали. — Файл синхронизировался сегодня.

Следователь даже не смотрит на окно аудита. Улики им нужны в том виде, в котором они подтверждают готовое обвинение.

— Всё зафиксируют на допросе.

Глеб поворачивает голову ко мне. Щека прижата к ковру, на губе кровь, но в его взгляде нет просьбы поверить. Он смотрит на карман моего платья, где спрятан токен.

— Не отдавай им ключ, — говорит он. — Даже если они покажут тебе мой труп.

Его поднимают и выводят. На веранде вспыхивают камеры гостей, которых пожарная тревога выгнала из павильона. Кирилл стоит за оцеплением рядом с матерью. Когда Глеба

ведут мимо, он не улыбается. Смотрит на меня так, будто ждал этой минуты и всё равно не получил желаемого.

Я иду следом, пока сотрудник у двери не преграждает путь. Машина для задержанных трогается раньше, чем Глеб успевает сесть нормально; через заднее стекло видно, как он придерживает открывшуюся рану связанными руками.

— Теперь ты пойдёшь со мной, — говорит Кирилл за спиной.

Он уже прошёл оцепление. Маргарита осталась у камер, объясняет кому-то, что фонд окажет семье Вороновых любую помощь. Я поворачиваюсь к Кириллу, и он впервые не пытается коснуться меня или снять кольцо.

— Доставь меня к отцу, — требую я. — Тогда поговорим о ключе.

— Я не управляю теми, кто его держит. — Ответ вырывается слишком быстро. Кирилл понимает, что сказал, и добавляет тише: — Но могу договориться. Если ты перестанешь защищать Рахманова.

Телефон в моей сумке вибрирует прежде, чем я успеваю спросить, с кем именно он собирается договариваться.

Сообщение пришло с номера отца.

На фотографии он лежит на койке. К виску приставлен пистолет, рядом включён таймер: пятьдесят девять минут сорок восемь секунд.

«Ключ Кириллу. Или генерал умрёт».

Глава 11. Один час

— Пятьдесят девять минут, — произносит Кирилл и протягивает руку. — Отдай токен.

Я увеличиваю фотографию отца. На шее виден свежий пластырь, под ключицей уходит провод монитора. Кадр сделан недавно: таймер отражается в металлической перекладине койки и показывает то же время, что на основном изображен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.